

Моск. новости. - 1994. - движение - с. 56.

ПАМЯТЬ

«Живите, это и есть смысл...»

Последнее интервью Юрия НАГИБИНА

«Мне сейчас 74, даст Бог, доживу до 80, и, может быть, посмотрю на вещи совсем иначе. Но сейчас я понимаю это так...» — я снова и снова прокручиваю на диктофоне кассету, запись моей беседы с Юрием Марковичем:

— Я понял, как делалась эпоха, когда прочел в «Литературных новостях» список первых 30 человек нашей культуры. Вы не видели этот список, который называли читатели?

— Нет.

— Это грандиозно. Ну первый там Алексей, никаких споров нет, ладно. А вот кто второй? Знаете? Ну кто? Солженицын? Аверинцев? Ельцин? Угадайте.

— Не знаю.

— Листьев! Вот второй человек нашей культуры. А третий — Задорнов. Нет в этом огромном списке ни Смоктуновского, ни Битова, ни Ахмадулиной, ни Фазиля Искандера. Есть Эдита Пьеха, есть Кобзон.

— Юрий Маркович, у каждого человека свои пристрастия, свои вкусы. Наверное, время все расставит на свои места. Меня же больше другое сейчас волнует: как устоять морально? То есть где и в чем искать точку опоры, когда нет больше идеалов, потеряны всякие ориентиры, когда обесценивается сама жизнь?

— Есть замечательное философское учение — экзистенциализм. Оно говорит, что все в руках самого человека. Что за жизнь отвечает он сам. Не общество, не меценаты, не правительство, не партия. Ты в ответе за каждый свой поступок, и за дурное, и за хорошее. Проникнитесь этим, и все станет ясно. Просто отвечайте за себя, считайте, что вот от вас зависит жизнь всего мира. Когда человек это поймет, у него определится сразу отношение ко всему — к людям, близким и далеким, деревьям, траве, воздуху. Не надо целей и идеалов: цель жизни — жизнь. Это не мое высказывание, я не помню, кому оно принадлежит, но оно исчерпывающее.

— Просто жить, а смысл?

— Просто живите, это и есть смысл. Жизнь не предприятие, это состояние, и не надо стараться что-то сделать из своей жизни. Кого-то любить, кого-то ненавидеть, растить детей, а если надо, поставить жизнь на карту — вот это жизнь.

— Я понимаю, ладно, не надо идеалов, но ведь без них какая каша в головах у людей! Я даже уже и не молодежь имею в виду. Достаточно взрослые люди, с именем, но вот слушаешь и думаешь: до чего же они растеряны, запутаны.

— Ну потому что не научились всерьез отвечать за свою жизнь. Нет взрослости даже у 50-летних. Все были детьми, привыкли, что за них думают. Ну вот, скажем, одна кандидатура на выборах, чего тут думать. А теперь вдруг и в самом деле выбирать надо. Мозг опухает, непосильная задача. Надо стать взрослыми — и не могут. Да, человек — это сила, дух, внутренняя честность и совесть. Вот и все. И просто надо жить.

Вот у меня была инвалидность после контузии на фронте, а мать мне тогда сказала: «Забудь об этом! Проживи жизнь здорового человека». Я послушался и жил активной, полноценной жизнью.

— Это было трудно?

— Это было здорово. У меня бывали тяжелые депрессивные состояния. Две контузии: одна — когда вообще засыпало землей и потом меня выкапывали; вторая вроде легче, но именно она почему-то дала тяжелые последствия. И если бы я сдился болезни — не знаю даже. А я забыл про нее. Работал, рыбачил, охотился, любил.

— Что вас мучает сегодня больше всего?

— То, что писал поверхностно, не заглядывая в глубины.

— Юрий Маркович, но ведь общепризнано, что вы — мастер психологической прозы. Вашими рассказами люди зачитываются.

— Нет, об очень многом в своей биографии, о чем я уже писал когда-то, я пишу теперь снова, иначе. Видите ли, тогда я, может, до чего-то незрел, а, может быть, были внутренние и внешние цензоры. Я доброволец, на войну попал с «черного» хода, как сын репрессированного. Я печатался все время, можно сказать, не писал в стол. За редкими исключениями. Вот история моего приемного отца. Написал и зарыл в саду. Хотя теперь читаю и вижу: ничего там особенного нет. Были у меня и запрещенные вещи, которые потом печатали. «Сталинский выбор», «Поездка на

ИТАР-ТАСС

острова». Рассказ «Терпение» вышел сильно сокращенным, и так бывало. А вот когда понял: никто и ничто больше не мешает — было трудно в себе самом преодолеть барьер. И все же последние мои три вещи более раскрепощенные.

— А вот когда я вошла, вы печатали, это новая вещь?

— Нет, я перепечатывал уже законченный роман. Я работаю древним способом, пишу от руки, потом правлю, потом перепечатываю. Когда стучит машинка, слово будто не живет. Роман этот — первый в моей жизни. Я больше всю жизнь в малом жанре работал. В последнее время я начал писать совсем иначе, чем прежде. Я занимаюсь литературной профессией 54 года. Я всегда писал лирико-психологические вещи. А тут вдруг прорезался у меня интерес к вещам, которые прежде абсолютно не волновали. К злободневным, социальным, политическим. Я никогда не был не только в партии, я не был даже в комсомоле. На пионерах кончилась моя карьера.

— По принципиальным соображениям или безотчетно?

— Я отдавал себе полный отчет во всем. Видите ли, у меня все сидели. Родной отец вообще был расстрелян, отчим сидел безнадёжно. Ну так вот, вдруг уже после 70 лет появился у меня интерес к политике, и я стал писать гротескные, сатирические вещи, такие, как «Любовь вождей», «Дорогая Маргарет Тэтчер».

...Что значит написать так, как оно было? А как оно было? У всех разная реакция на одно и то же событие. Одному видится благородное движение, другому — игра, третьему — вообще скрытая подлость. Почему показания свидетелей так часто не совпадают? Так ведь каждый по-своему прав. В этом-то и есть типичность материализма. Никакой объективной реальности нет, только приблизительная. И один и тот же человек в разное время по-разному понимает пережитое. Мне сейчас 74. Даст Бог, доживу до 80 лет и, может быть, посмотрю на вещи совсем иначе. Но сейчас я понимаю это так...

... Мы очень долго говорили с ним в тот день. Даже когда кончилась кассета и я отключила диктофон. А на кассете еще остались его планы: написать вещь, которой было уже придумано название «Причастие к дьяволу». Подробнейшая история — предтеча замысла. И, конечно, я по первому же требованию готова предоставить эту кассету супруге Юрия Марковича или литературоведам, которые будут изучать творчество выдающегося писателя. Он очень много говорил о новой книге «Тьма в конце тоннеля». О фашизме: «Это — конец человеку, и эта зараза очень сильна. И у нас баркашовщина, антиловщина, тайные организации. Я ненавижу свастик. Я это все видел». И о самой большой новой работе, где все смыкается — история первой любви, попытка разобратся во всем. И о прочитанных книгах.

Я снова и снова вслушиваюсь в его голос. Вот он радостный безмерно — это когда прибежала крохотная собачка и почему-то прицепилась к моей обуви.

— Пашка! Отстань! Ну, этот пес, он утомителен безмерно! Хотя, вы знаете, отец у него — чемпион страны, а дед чемпион мира. Ну невозможно, он вам прокусит туфли! Пашка! У нас нет детей, мы с женой одни, нет родственников. Была другая собака, вон на фотографии ее морда, за вашей спиной. Она прожила у нас 13 с половиной лет. А когда умерла, мы сразу состарились. Собака обладала колоссальным полем. Потом, когда уже прошло 40 дней, в мой день рождения жена принесла вот этот маленький комочек — Пашку. И сразу все ожило...

Галина МУРСАЛИЕВА